

Жизнь забавная вещь, но судьба действительно может быть ведьмой с большой буквой «В».

Яростный удар, нанесённый мне в грудь, вызвал булькающий крик и изо рта струилась кровь. Рядом со мной в моем расплывчатом видении плавали разбитое стекло и пролитая вода, катализатор этой атаки. Это не было разбита случайно.

Мой отец пришел домой в ужасном настроении в тот день. Его коллега в тот день проиграл крупное дело, дело, которое он помогал организовывать и исследовать. Из-за этого он полагал, что его возможности продвижения по службе были ограничены и превратились в его любимое утешение: бурбон. За ним гонялись виски, которые он вечно отрицал.

Однажды выпив достаточно, он повернулся ко второму любимому утешению: тренировка. И его самый любимый способ потеть - побить мою маму и меня.

Он поймал меня на кухне, выбил стакан из моей руки.

Уклонение от первого удара, когда он кричал на меня за то, что я разбил стекло, разозлило его, и он поймал меня, когда я попытался бежать к двери, его большая рука запуталась в моих волосах и бросила меня вниз, прежде чем он начал избивать.

Я закричала, когда мои глаза увидели мою маму, прямо за дверью кухни. Я не осмеливался надеяться, что она что-нибудь сделает, она была слишком забита, чтобы когда-либо выступить против моего отца.

Еще один удар в живот заставил меня автоматически свернуться, к сожалению, я приблизился к осколкам стекла и воде, и осколки впились в меня посылая кровь в воду, заставляя ее распространяться

«Дрянь!» - сердито закричал он, его нога сильно ударила мне на руку, и я услышал, как ломаются кости, несмотря на мой крик. «Всегда путаешься под ногами, даже после всего, что я сделал для тебя!»

Еще больше ударов обрушилось, стекло порезало мою кожу, когда он пнул меня в спину. Я застонала пронзительный вопль, когда особенно большой осколок порезал меня по лицу, горячая кровь текла из раны на пол. Вид его только казался еще более злым, и удары наносились сильнее. Все попытки защитить что-либо, кроме моей головы, были напрасны, так как мои руки стали синяками, и громкие «щелчки» означали перелом костей.

Крик, который вырвался из моего горла из-за жгучей боли, принес мне еще один удар. и затем я уставился на свою руку, где была видна кость пронзившая плоть. Моя рука обмякла и оставила мою голову без защиты.

Мой отец не промахнулся, его нога врезалась в мою челюсть. Я чувствовал, как скрипят зубы, но не знала, сломана ли у меня челюсть или нет.

Второй удар ударил мою сломанную руку и заставил мир раствориться в дымке

xxxxxxxxxx

Чернота окружала меня. Она было бесконечно и обернуто вокруг меня, как теплое одеяло. Все было тепло и мокро.

Там не было ничего другого, и это дало мне достаточно времени, чтобы подумать.

Я наконец осмыслила свою жизнь. Я училась на четвертом курсе колледжа и ходила к психотерапевту, который поможет мне преодолеть мои «прежние» оскорбительные отношения. Возможно, это было глупо, но я не мог никому признаться, что мой обидчик еще был моим отцом.

Я не была дома более двух лет и, честно говоря, чувствовал себя более уверенно, словно я больше не была жертвой. Я не была боксерской грушей моего отца. Я была отличницей, любимой профессорами. Я собирался стать врачом, и меня уже приняли в мою школу по выбору.

Я была идиоткой, которая решила побороть ее страх перед «домом», посетив ее родителей на выходные, и впоследствии была избита.

В этой черноте я боролась с решимостью, которую мой терапевт помогал мне строить. Когда я проснусь, это не имело значения, как, я собирался идти за моим отцом, и я гарантировал, что это закончилось навсегда. Это была пугающая мысль, потому что он работал в крупной юридической фирме, как потенциальный судья, не меньше, но если бы я мог убедить мою мать также дать показания, то я был уверен, что мы сможем от него избавиться. Заставьте его сидеть в тюрьме в течение нескольких десятилетий, возможно, даже узнайте, каково это, быть грушей.

Я расскажу своим друзьям и психотерапевту обо всем, и, может быть, я наконец-то смогу со всем этим справиться.

Я понятия не имела, как долго длилась темнота или какое лечение я получал, только то, что способна думать настолько много я надеюсь, что это означало отсутствие повреждения мозга.

В конце концов, все изменилось, когда вокруг меня возникло ощущение сдавливания. Давление нарастало, и мне казалось, что вокруг меня текла жидкость. Каждая часть меня чувствовала, как будто она сжималась, и я молился, чтобы это означало, что я возвращался к ощущению, когда проснулся. До сих пор время мало что значило, но теперь оно тянулось, словно тиски закрывали мою голову, а на лицо натягивалась влажная ткань.

Попытки ударить или вопить дали мало результатов, меньше, чем они имели в начале. Мои движения всегда были ограничены, но теперь все выглядело так, будто все стало невероятно тяжело.

Боль пронзила мою голову от давления, и шум начал достигать моих ушей. Сначала это было далеко, а потом боль в голове начала исчезать, и шумы стали яснее. Голос, который звучал больно и раздался в воздухе, вселяя в меня надежду, что я вот-вот проснусь в отделение неотложной помощи. Что вся эта поездка в моей голове не была той вечностью, какой казалась.

Затем наступил холод, и боль в остальной части моего тела, даже когда то, что казалось гигантской рукой, охватило мою голову. Моя голова мерзла, в то время как мое тело было раздавлено в теплой, влажной ткани!

Давление продолжало нарастать, и я почувствовал, что выскользнул из этих границ в холодный воздух. Боль этого воздуха вырвала у меня вопль, и тогда я был свободен от заключения, но замерзал в воздухе.

В тот момент моя кожа была слишком чувствительной, и подобный руке предмет вызвал ужасное покалывание. Моя попытка кричать на преступника только вызвала скулы и крик из

моих губ, и я мысленно застонал. Чтобы моя кожа была такой чувствительной и была неспособна воспроизводить приличную речь, я должен был выйти из строя в течение нескольких месяцев!

Царапающий материал, который был мокрым, вытер меня, и я снова закричал, пытаюсь дать понять, кто бы ни был ответственен за это, я знал, что мне больно, но не было никакого эффекта и никакого ответа. Вместо этого я был завернут в более неуклюжую ткань и поселился в ... Что-то.

Мой разум не предлагал никаких ответов о том, чем я занимаюсь, только то, что он приспособлялся к моему телу с каждой мыслью. Мне почти казалось, что меня держит кто-то, кто пытается быть осторожным, но не уверен в том, что они делают.

Это было крайне смущающим, и в отчаянии от какого-то ответа я попытался открыть глаза. Меня встретил немного тусклый свет, мои глаза не могли сфокусироваться очень далеко. Но мне удалось разглядеть лицо, которое смотрело на меня сверху вниз.

Он улыбался, выражение его лица заставляло его выглядеть зачарованным. Глаза, которые я не мог описать, изучали меня, в то время как слова, которые я не мог понять, вырывались из его рта. Его глаза отвлеклись от меня на короткое мгновение, прежде чем вернуться ко мне, его улыбка нежная.

Тогда меня передали кому-то еще, гораздо осторожнее, чем нужно, и положили на грудь. Обнаженная грудь женщины. Где я был направлен к соску, и все вдруг щелкнуло.

Мой разум кричал. Я кричала.

Все закончилось между мной и отцом навсегда. Мой отец убил меня!

Мои крики были о горе, боли, страхе и бесчисленных сожалениях.

Нежные руки пытались меня успокоить, и я был уверен, что почувствовал больше, чем одну пару. Слова, которые не имели для меня значения, были пробормотаны, а потом меня передали кому-то другому.

Я не могла хорошо разглядеть лицо этого человека, прежде чем мои глаза снова закрылись, мои силы на тот момент были потрачены.

<http://tl.rulate.ru/book/34312/748234>